

УДК 8173) 255.4:821.111'9

Энтропия текста как предпосылка реализации стратегии перевода

Т.П. Андриенко

Влияние информационных характеристик исходного текста на реализацию глобальной стратегии перевода через локальные анализируется с применением понятия энтропии текста. Рассматриваются характеристики художественного текста, обуславливающие возможность переводческого выбора, а также примеры выбора стратегий, которые приводят к искажению характеристик оригинала.

Ключевые слова: стратегия перевода, глобальная стратегия, локальная стратегия, энтропия текста, перевод художественного текста

The influence of informational characteristics of the source text on the implementation of the global translation strategy through local strategies is analyzed with application of the concept of the text entropy. The characteristics of a literary text that open the possibility of translation choice, as well as examples of the selection of strategies that resulted in distortion of the characteristics of the original are discussed.

Keywords: translation strategy, global strategy, local strategy, text entropy, literary artistic translation.

Энтропия как мера неопределенности информации является важной информационной характеристикой текста. Деятельность переводчика, с одной стороны, объективно детерминирована, обусловлена характеристиками текста оригинала, возможностями языка перевода и известными закономерностями и принципами перевода, а с другой стороны – это творческая деятельность, обусловленная субъективными качествами и позицией переводчика, и различные переводчики в конкретных условиях общения могут решить одну и ту же проблему по-разному.

Наличие энтропии исходного текста и переводящего языка создает возможности различной трактовки и разного воспроизведения текста в переводе, т. е. открывают возможность активного участия переводчика в создании коммуникативно-актуального смысла целевого текста. Именно поэтому энтропию считаем одним из важных объективных факторов, влияющих на выбор стратегии перевода. Целью данной работы является определение влияния энтропии исходного текста и языка перевода на выбор переводческой стратегии.

Энтропию исходного текста понимаем как меру его информационной неопределенности (емкости), состоящей из количества информации на единицу сообщения и количества возможных вариантов выражения/интерпретации его смысла.

Одно из первых специализированных исследований, посвященных практическому определению энтропии конкретного художественного произведения – исследование индийского филолога Нарашимха Рамайя «Лингвистическая энтропия «Отелло» В. Шекспира» [1] является попыткой привнесения понятий, моделей и методов познания физико-математических наук, классической и восточной философии в лингвистический и литературоведческий анализа текста. Рассматривая энтропию как меру неупорядоченности системы [1, с. 10], автор утверждает, что речевая энтропия порождается «первичным диалектом», региональным диалектом, разговорной речью, и, в последнюю очередь, литературным языком, причем языковые структуры представлены на уровне фонологии, грамматики и синтаксиса [1, с. 3]). К языковым явлениям, связанным с существованием энтропии, автор относит сленг (разговорные выражения), идиомы, необычные фразы, предложения с прерывистой структурой и даже отсутствие предложений. Значительное внимание уделяется фонетическим средствам, таким как аллитерация, ассонанс, рифма, ономапопея; исследователь отмечает, что «в поэтическом произведении фонология становится фразеологией» [1, с. 23]. Автор также вводит понятие психологической и социолингвистической энтропии, которые затрудняют декодирование пьесы читателями [1, с. 27–60].

Основной ценностью указанной работы для лингвистических и переводоведческих исследований является, по нашему мнению, определение языковых средств, которые характеризуются высоким потенциалом создания энтропии текста: к таким в основном относятся стилистические средства разных уровней, обладающие многозначностью и непредсказуемостью.

Другие исследования систем художественного творчества доказывают разный уровень энтропии и информации в классическом художественном произведении и произведениях авангардизма, изначально ориентированных на непредсказуемость сочетания элементов: тексты произведений авангардизма характеризуются высоким уровнем энтропии, поскольку иногда даже сочетания фонем в них не регулируются никакими законами языка, на высших же уровнях наблюдается нарушение лексической или грамматической сочетаемости [2]. Однако им в то же время присуща и высокая предсказуемость, поскольку каждый следующий элемент является предсказуемо асемантическим, алогичным также, как и предыдущий, что становится признаком избыточности сообщения [2].

Существующие исследования доказывают, что уровень энтропии зависит от типа текста: как тексты с низким уровнем энтропии (высокопредсказуемые) характеризуются газетные статьи [3, с. 180], [4, с. 149], а высоким уровнем энтропии обладают тексты поэтов-авангардистов [2]. Количественные (математические) исследования языковой энтропии основываются в основном на количестве символов (букв в алфавите соответствующего языка) и вероятности их появления в тексте [4], [5], [6], хотя в корпусных исследованиях единицей учета иногда выступает «словоупотребление» [7].

По нашему мнению, подход, основанный на количестве символов, полностью исключает аспект содержания сообщения и приводит к анализу количественных показателей в отрыве от качественных. Полагаем, что речевую энтропию следует определять через количество реализованных информативных выборов, и предлагаем количественную меру энтропии определять как потенциал реализации информации через 1) количество языковых единиц, употребление которых не является предсказуемым, учитывая тип и структуру текста, предыдущий контекст, стилистические нормы и т. д. (как указывает А.С. Монин, слово, которое можно угадать по предыдущему контексту, не прибавляет никакой информации [3, с. 180]), и 2) количество языковых единиц, которые предполагают другие варианты выражения того же смысла.

Согласно гипотезе исследования, после интерпретации исходного текста и формирования его идеального образа переводчик, соотнося этот концептуальный образ с картиной мира целевого языкового коллектива, создает его «проекцию», некий обобщенный образ будущего перевода. Ориентируясь на этот идеальный образ, руководствуясь релевантными принципами перевода и с учетом экстралингвистических факторов, переводчик выбирает стратегию перевода всего текста – глобальную стратегию.

Приступая же к исполнению перевода, переводчик сталкивается с языковой/речевой реальностью текста, которая разворачивается как дискретный континуум. Эта текстовая реальность представлена двумя видами речевых фрагментов: предсказуемыми, предполагающими однозначное прочтение (по меньшей мере, в данном контексте и ситуации) и стандартный способ перевода и непредсказуемыми, т. е. обладающими высоким уровнем энтропии. Такие фрагменты допускают неоднозначность трактовки, множественность прочтений, различное воплощение в переводе. Именно наличие фрагментов, предполагающих множественность выбора, открывает переводчику возможность реализации глобальной стратегии через локальные.

Например, в следующем фрагменте лишь одно слово допускает возможность стратегического выбора переводчика. Многочисленные беспереводные заимствования отражают специфику идеостиля Э. Хемингуэя, «перенос» читателя в атмосферу другой страны. Глобальная стратегия отстранения (форенизации) представляется вполне адекватной замыслу автора и концептуальному смыслу оригинала. Однако при синтагматическом разворачивании перевода возможность трансформации глобальной стратегии в локальную возможна лишь при передаче заимствований из испанского языка (в нижеследующем примере – слово *desencajonada*). Это слово, не будучи интернационализмом, для англоязычного читателя является непредсказуемым сочетанием графических символов, значение которого остается

неизвестным, т. е. данное слово обладает высоким уровнем энтропии, в то время как остальные языковые единицы данного фрагмента достаточно предсказуемо сочетаются в тексте и не допускают возможности существенно различных интерпретаций или передачи в переводе:

*They've never seen a desencajonada. (Hemingway. *The Sun Also Rises*, p. 149).*

Даже одно слово открывает перспективу трансформации глобальной стратегии перевода в различные локальные стратегии. В переводе на украинский язык иноязычный элемент воспроизведен буквально, что позволяет сохранить связь с иноязычной средой, как это было задумано автором. Однако стратегия форенизации в данном случае «компенсируется» введением подстрочной сноски с комментарием-переводом с испанского (прием беспереводного заимствования с комментарием):

Вони ніколи не бачили desencajonada¹.

¹*Вивантаження биків (ісп.) (Хемінгуей. Фієста (І сонце сходить)). Перекл. М. Пінчевський, с. 79).*

Такою локальную стратегию можно охарактеризовать как умеренное отстранение (форенизацию); благодаря ее реализации текст перевода сохраняет эффект пребывания в чужой стране, но при этом его восприятие облегчается комментарием. За счет расширения объема текста, несущего тот же смысл, снижается его информационная энтропия, а также требуется меньше когнитивных усилий читателя для восприятия текста.

В переводе на русский язык иноязычное заимствование полностью заменено смысловым переводом в основном тексте:

Они никогда не видели выгрузки быков (Хемингуэй. Фiesta (И восходит солнце)). Перев. В. Литвинов).

В данном случае локальная стратегия противонаправлена глобальной – ее можно охарактеризовать как стратегию одомашнивания, благодаря которой восприятие читателя автоматизируется (не требуются дополнительные когнитивные усилия для декодирования данного фрагмента текста), а задуманный автором художественный эффект нейтрализуется. Целевой текст в итоге характеризуется значительно более низким уровнем информационной энтропии, чем авторский, интерпретационный потенциал сужается. В отсутствие компенсирующих стратегий и приемов такой перевод может значительно исказить идеостиль оригинала, лишит произведение Хемингуэя характерной для него смысловой емкости, обращенности к читателю как соучастнику событий, «кинематографического эффекта» [8, с. 10].

С подобным обеднением стиля автора сталкиваемся также в переводах произведений О. Генри, например, в случае, когда переводчики заменяют воссозданный при помощи графов иноязычный акцент соответствующей по смыслу литературной речью:

Old Behrman, with his red eyes, plainly streaming, shouted his contempt and derision for such idiotic imaginings.

*Vass! – he cried. – Is dere people in de world mit der foolishness to die because leafs dey drop off from a confounded vine? I haf not heard of such a thing. (O. Henry. *The Last Leaf*).*

В переводе на украинский язык отсутствие художественного эффекта звукописи компенсировано лишь частично введением описательного комментария; в переводе на русский язык характеристика речи полностью утрачена:

Старий Берман з червоними очима, які помітно сльозилися, галасливо виявив свою зневагу, знуцаючись із таких ідіотських вигадок.

*– Що, – кричав він з жахливим німецьким акцентом, – хіба ще є такі дурні, щоб умирати через листя, яке опадає з клятого плюща? Вперше чую (О. Генрі. *Останній листок*. Переклад М. Дмитренка).*

*– Что! – кричал он. – Возможна ли такая гупость – умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща!... (О. Генри. *Последний лист*. Перевод Н. Дарузес).*

Переводчики и на украинский, и на русский языки в данном случае предпочли стратегию смысла стратегии формы, хотя для художественного перевода стратегия воссоздания формы имеет едва ли не первостепенное значение, т. к. «установка на выбор формы» позволяет достичь «поэтической» эквивалентности [9, с. 150]. Использованные автором графоны

(отступления от орфографической нормы для передачи на письме особенностей произношения) повышают энтропию исходного текста, т. к. являются непредсказуемыми и деавтоматируют прочтение оригинала, требуя от читателя дополнительных когнитивных усилий для понимания, апеллируя к его слуховому восприятию, вовлекают его в процесс сотворчества при создании смысла. Значительное снижение информационной энтропии вследствие утраты художественного приема заметно обедняет текст перевода.

К сожалению, в исследуемых переводах новелл О. Генри подобные локальные стратегии «смыслового» перевода преобладают. Если применить методику определения глобальной стратегии через количественное соотношение локальных (см.: [10]), следует признать, что изначально неправильно избрана глобальная стратегия смысла. Вследствие этого в переводе воссоздавались преимущественно сюжетно-композиционные характеристики произведений, основной (часто – денотативный) смысл речи, а особенности художественной формы, в том числе, игра слов, аллюзии, речевые характеристики персонажей, нередко утрачивались. В цитируемом ниже примере авторская аллюзия и каламбур (*Hetty Green*) и оксюморон (*higher and lower*) исчезают вследствие «смыслового» перевода.

– *Eight dollars? said Miss Leeson. Dear me! I'm not Hetty if I do look Green. I'm just a poor little working girl. Show me something higher and lower.* (O. Henry. *The Skylight Room*).

– Вісім доларів? – спитала міс Лісон. – Ні, нізащо! Я не можу собі цього дозволити. Я тільки бідна дівчина, яка сама собі заробляє на хліб. Покажіть мені що-небудь вище, але щоб ціна була нижча. (О. Генрі. *Кімната на горіщі*. Переклад Ю. Іванов).

– Восемь долларов? – переспросила мисс Лисон. – Что вы! Я не миллионерша. Я всего-навсего машинистка в конторе. Покажите мне что-нибудь этажом выше, а ценою пониже (О. Генри «Комната на чердаке». Перевод В. Маяки).

Показательно, что чешский лингвист, литературовед и теоретик перевода Иржи Леви, анализируя «посредственные и плохие переводы», одной из причин обеднения авторского стиля в переводе считает то, что переводчик выбирает наиболее частотный, наиболее вероятный вариант перевода, который обычно является самым предсказуемым и имеет широкое значение, вследствие чего меньше передает специфику авторской характеристики, сенсорики и т. д.; второй причиной автор называет стремление переводчика передать логические связи, разъяснить мысли автора, даже если такой ясности нет в самом оригинале [11, с. 64–66]. Оба указанные действия, как очевидно, приводят к снижению энтропии, уменьшают интерпретационный потенциал текста и вовлеченность читателя в «сотворчество».

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что информационная энтропия текста оригинала открывает перспективу выбора переводчиком локальной стратегии перевода, а энтропия языка перевода открывает возможности выбора средств реализации этой стратегии. При этом успешность переводческого решения в идеале определяется выбором стратегии, позволяющей воссоздать многообразие читательских прочтений, заложенное в авторском тексте, т. е. сохранить идентичный уровень энтропии в переводе. Однако примеры практических переводов свидетельствуют зачастую о снижении энтропии исходного текста за счет подмены множества интерпретаций единственной переводческой интерпретацией текста, а, следовательно, и меньшим вовлечением читателя в процесс сотворчества и общим обеднением содержания текста.

Литература

1. Narashimha, R.N. Linguistic Entropy in Othello of Shakespeare / R.N. Narashimha. – New Delhi : M D Publications Ltd, 1994. – 101 p.
2. Цвигун, Т.В. О преодолении энтропии в поэтическом тексте (К семиотической структуре текста в русском авангарде 10–30-х гг.) / Т.В. Цвигун // Общие вопросы авангардоведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/c_entropiya.htm. – Дата доступа : 22.03.2016.
3. Монин, А.С. Дороги в Комаровку / А.С. Монин // Колмогоров в воспоминаниях учеников / Редактор-составитель А.Н. Ширяев. – М. : МЦНМО, 2006. – С. 174–185.

4. Успенский, В. Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова / В. Успенский // «НЛО». – 1997. – № 24. – С. 123–215.
5. Ревзин, И.И. Совещание в г. Горьком, посвященное применению математических методов к изучению языка художественной литературы / И.И. Ревзин // Структурно-типологические исследования: сб. статей / Академия наук СССР: Институт славяноведения; Отв. ред. Т.Н. Молошная. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 285–293.
6. Михайлов, М.Н. Чем длиннее, тем лучше? Как сравнить длины исходного текста и перевода? / М.Н. Михайлов // Математическая морфология. – 2003. – Том 5, вып. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-9-html/mihailov/mihailov.htm>. – Дата доступа: 22.03.2016.
7. Кутузов, А.Б. Частотные характеристики лексики как инвариант перевода (на материале перевода романа К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей») / А.Б. Кутузов // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – №1. – С. 175–183.
8. Довганчина, Р.Г. Відтворення ідіостилію Ернеста Гемінгвея в українських та російських перекладах: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.16 / Р.Г. Довганчина. – К., 2011. – 23 с.
9. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
10. Zare-Behtash E. A Diachronic Study of Domestication and Foreignization Strategies of Culture-Specific Items: in English-Persian Translations of Six of Hemingway's Works / E. Zare-Behtash, S. Firoozkoochi // World Applied Sciences Journal. – 2009. – № 7 (12): 1576–1582. – P. 1576–1582.
11. Levý, J. Will translation theory be of use to translators? / J. Levý // First printed in: Rolf Italiaander (ed.) Übersetzen: Vorträge und Beiträge vom Internationalen Kongress literarischer Übersetzer in Hamburg 1965, Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 77–82. – Reprinted in: Scientia Translationis. – 2012. – № 11. – P. 60–71.

Институт международных отношений
Киевского национального университета
им. Т. Шевченко

Поступила в редакцию 10.05.2016